

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/31-41

Научная статья

© Н. П. Москаленко

МЕТАМОРФОЗЫ «ТУВИНСКОГО ПОЛЯ»

«Когда мы решаемся ступить не зная, что нас ждет,
на вдохновения пустой корабль,
на плохо связанный плот,
на чешуйчатое крыло, на лодку без гребцов,
воображая и самый лучший и худший из концов и ничего не ища внутри:
там всему взамен выбрасываются гадальные кости на книгу перемен».

Ольга Седакова

из цикла «Китайское путешествие»

Статья посвящена метаморфозам тувинского поля исследования. В настоящее время в предметной области антропологии произошли существенные изменения, в особенности в отношениях между субъектом и объектом исследования. Коснулись они и тувинского поля. На наш взгляд, стратегия поиска и обработки информации, форма взаимоотношения антрополога с респондентом целиком определяется местом и временем. Существуют различные модели этих отношений: модель чиновника и респондента, где отношения субъекта и объекта исследования строго регламентированы; модель антрополога как «доброего друга», когда этнограф (антрополог) «помогает» своему информанту постичь свою культуру — посмотреть со стороны; модель ученика, когда исследователь обучается на месте и становится в позицию «вечного послушника, ученика», в том числе и по отношению к своим собеседникам (информантам). Именно в модели «ученика» появляется и бережно охраняется «ключевой информант». Кем становится антрополог для своего информанта — «администратором», «добрым другом», помощником в решении собственных проблем, гостем, лишним нахлебником или родственником? Каждая из этих стратегий определяется взаимностью отношений и подлинным диалогом между людьми.

Метаморфозы тувинского поля — это скорее не только изменение в предметной области антропологии, но и переосмысление отношения исследователя к объекту изучения, они навеяны современными глобальными процессами. В статье делается вывод, что в современном антропологическом поле исследования появляется уникальная возможность вести «новый диалог» и этот диалог позволяет точно сфокусировать внимание, проникнуть более

Москаленко Нелли Павловна — к. и. н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А). Эл. почта: nelly_moskalenko@mail.ru

Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

глубоко в предметную область исследования. Статья основана на собственных наблюдениях и впечатлениях, собранных в разные годы во время полевых исследований в Туве.

Ключевые слова: Тува, полевые исследования, антрополог, метаморфозы, ключевой информант, диалог, М. М. Бахтин, С. И. Вайнштейн, К. Гирц

Ссылка при цитировании: Москаленко Н. П. Метаморфозы «тувинского поля» // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 31–41.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/31-41

Original Article

© *Nelly Moskalenko*

METAMORPHOSES OF THE “TUVAN FIELD”

The article demonstrates the metamorphoses of the Tuvan field of study. Currently, there have been significant changes in the object of research in Tuva, including the relationship between the subject and the object of the study. There are different strategies for the relationship between the anthropologist and the respondent. One is a model of an official and a respondent, where the relationship between the subject and the object of research is strictly regulated. The other is the model of anthropologist being a “good friend” when he or she “helps his/her local source of information to comprehend their own culture”. The third one is the model where the researcher learns on the spot and takes the position of an “eternal student”, including in relation to his or her interlocutors (local sources). It is here, that “the key source” of information appears and is carefully guarded. What does an anthropologist become for his key source — an administrator, a “good friend”, an assistant in solving problems, a guest, an extra freeloader or a relative? Each of these strategies requires reciprocity and genuine dialogue. The metamorphosis of the Tuvan field is rather not a change in the focus of the study, but a transformation of the scientist, and also of time. The article concludes that in the modern anthropological field, a unique opportunity is given to scholars to open a new, valuable dialogue. The article is written in the genre of an anthropological essay, and is based on my own observations and impressions, collected in the course of many years of expeditions in Tuva.

Keywords: Tuva, field research, anthropologist, metamorphoses, key source, dialogue, M. M. Bakhtin, S. I. Vainshtein, C. Geertz

Author Info: Moskalenko, Nelly P. — Ph. D. in History, Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nelly_moskalenko@mail.ru

For citation: Moskalenko, N. P. 2023. Metamorphoses of the “Tuvan Field”. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 31–41.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Удивительное время, в которое мы живем, сделало нас одновременно участниками и живыми свидетелями изменения антропологического (этнографического) поля исследования. Само это изменение уже стало предметом глубокого анализа, о чем свидетельствует большое количество публикаций, дискуссий в уважаемых журналах и Интернет ресурсах, а также научная конференция «Новый диалог в антропологии: особенности поля в академическом и аборигенном дискурсах»¹ (Елфимов 2012; Форум 2005; Форум 2006; Форум 2021; Гуппа, Фергюсон 2013; Пивнева 2017).

Тува в современном ее контексте чрезвычайно разнообразна и интересна. В настоящее время объект исследования и отношения между исследователем и респондентом кардинально изменились. Сегодня многие наши респонденты хорошо образованные люди, окончили школу по российским стандартам, прошли те же ступени социального взросления. Так, где же наше «поле» и в чем специфика антропологического исследования в современном ее гуманитарном пространстве?

По нашему мнению, существуют разные стратегии (модели) взаимоотношения антрополога с респондентами. Прежде всего, это модель «чиновника и респондента», где отношения субъекта и объекта исследования строго регламентированы (их можно назвать вертикальными взаимоотношениями). Следует отметить, что данная модель была характерна еще в начале XX столетия для исследователей культуры народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе Тувы. Наличие культурного барьера в понимании быта, отсутствие общего языка общения не позволяли глубоко изучать социально-культурный уклад сообщества. В данной модели взаимопонимание исследователя и респондента представляло собой архаическую систему восприятия ценностей на основе культуры быта, исследователь накапливал информацию в результате анализа материальной культуры: жилища, инвентаря, одежды, элементов орнамента и пр. Общение с респондентами включало набор формализованных вопросов, зачастую оно воспринималось ими как допрос. Нельзя утверждать, что респонденту не было интересно тоже кое-что узнать о собеседнике. Например, кто ты исследователь? Зачем тебе знать информацию о *тос карак* (о девяти глазах) для жертвоприношения духам? Но получение чего-то «нового» от исследователя воспринималось как табу и было достаточно того, что у него нет злого умысла, и все «глупости», которые он совершает — исключительно по незнанию. В данной модели отношение респондента к исследователю можно определить фразой, предназначенной для путника издалека: «Дай, что можешь из того, что он просит, накорми — быстрее уедет». Тувинская поговорка гласит: «*Ашкар, чемгер — аттанзын*» («Позаботься и накорми — оседлает сам коня»).

Отношения по модели «чиновник и респондент» сформировались значительно раньше, чем началось системное антропологическое и этнографическое изучение Тувы. В Российской империи старатели-первопроходцы, торговцы были весьма добродушны к местному населению. В начале XX в. в сложное время коллективизации и революционных перемен «чужие» путники были либо партийными чиновниками, либо комиссарами (*дарга, азы хамааты*). Несмотря на отсутствие возможности получить полную информацию о культуре, доверительных отношений и потребности в переводчике при общении с респондентом, данная модель контактов с ограниченными ресурсами позволяла собрать большое количество полевых материалов за достаточно

¹ Научная конференция «Новый диалог в антропологии: особенности поля в академическом и аборигенном дискурсах» проходила 17–18 мая 2022 г. в Институте этнологии и антропологии РАН.

короткое время. Почти все исследователи-«первооткрыватели» успешно пользовались данной моделью в своих экспедициях в регионы Сибири и Дальнего Востока. Конечно, при таком стиле общения сложно запомнить имя «доброе» овцевода, его одежду, его слова и песню, страхи и надежду, но для исторической антропологии в тот период данная модель считается наиболее эффективной и продуктивной.

Для Тувы одной жизни мало — антрополог как «добрый друг»

Есть и другая модель взаимодействия исследователя с респондентом: модель антрополога как «доброе друга», когда этнограф (антрополог) не только получает информацию, но и помогает своему информанту глубже «постичь свою культуру», оценить и осознать ее ценность:

«Нас двое — я и мой помощник Бальчиба Найден-оол, симпатичный молодой тувинец. В детстве пас скот, потом окончил среднюю школу, живет в Кызыле и работает в областном архиве. Увлекается литературой...» (Вайнштейн 2009: 20).

Для С. И. Вайнштейна проводник и помощник Бальчиба Найден-оол не был информантом в том понимании, что он был источником традиционных знаний своего народа (в контексте данной статьи — ключевым информантом), но его роль в успехе экспедиции была весьма значительной: Бальчиба прекрасно общался как на русском языке, что было существенным для исследователя-этнографа, так и на тувинском языке, что значительно ускоряло и упрощало сбор и анализ полевых материалов.

Кочага — дарган, внук шамана как добрый друг

«С первых же минут пребывания в гостях у Кочаги мне очень понравился весь его мужественный облик, неторопливая речь, мудрый, излучающий доброту взгляд. И, приняв решение, что лучшего проводника для труднейшего пути по тайге нам не сыскать, обратился к Кочаге: „Мы собираемся примерно на месяц совершить поездку к вершинам Саян, туда, где теперь кочуют оленеводы, описать их нелегкую жизнь и вернуться сюда же. Нам обещали четырех хороших лошадей, продукты, оружие. У нас есть трехместная палатка. Хочу просить вас быть нашим проводником“» (Вайнштейн 2009: 29).

Кочага, кузнец Тоора Хема, верный друг, проводник и человек, который открыл для молодого исследователя С. И. Вайнштейна охотников и оленеводов Тоджи — тоджинцев. У исследователя есть свое предназначение, своя научная тропа и судьба посылает ему помощников и проводников, задача которых довести человека до определенной цели. Кочага будучи проводником, передал ценные знания: открыл мир доброго духа аржаана — Чойган, научил выживать в таежных условиях, понимать и слышать «мысли таежного леса», дал надежду и смелость быть наедине с природой. Добрые друзья становятся частью твоей жизни и творчества, они отдают тебе бесценный дар и остаются навсегда в твоей памяти и в твоих научных тропах:

«Подозреваю, каждый полевой антрополог, в том числе, разумеется, и я, в ходе исследования, натывается на людей, которые словно ждали там, в каком-нибудь неожиданном месте, пока им не встретится кто-то вроде тебя — с горящими глазами, ничего не знающий, учтивый, доверчивый, чтобы получить возможность не просто ответить на твои вопросы, но и подсказать тебе, какие вопросы стоит задавать.

*...Антрополог по-разному реагирует на таких людей, и один и тот же антрополог по-разному реагирует на них в разное время... **Великих антропологов делают великие информанты**» (выделено — Н. М.) (Гирц 2020: 99).*

«Вечный ученик» Шамана Соян Шончур. С. И. Вайнштейн начал изучать шаманство во время студенческой экспедиции к кетам на р. Подкаменная Тунгуска еще 1940-х годах. Поиск шаманов, а тем более Великих и действующих среди тувинцев и кетов, был в тот период безрезультатным, т. к. изучение шаманизма в советский период было под строгим запретом. Встреча с шаманом всегда была большой мечтой исследователя. Во время тоджинской экспедиции он «случайно» узнал о Сояне Шончур, который, по мнению автора, был последним великим Шаманом:

«Летом 1963 г. я вновь, причем совершенно неожиданно и случайно, напал на след великого тувинского шамана Сояна Шончура. Впервые его имя я услышал еще в 1951 г. во время экспедиции в Тоджу от тамошнего проводника Кочаги, который говорил, что ему известен в Туве лишь один улуг-хам (великий шаман) Шончур-хам (слово хам означает — шаман), но где он находится, Кочага не знал... Впоследствии я продолжал настойчиво искать встречи с таинственным Шончур-хамом, проехав на лошадях и оленях не одну сотню километров по тайге, но тогда он встречи избегал» (Вайнштейн 2009: 313).

Встреча ученого с Великим шаманом произошла «совершенно неожиданно» в июле 1963 г. во время археологических раскопок крепости Пор-Бажын на острове озера Тере-Холь. С этого момента исследователь долгое время был в постоянном и непосредственном контакте с Шончур, присутствовал почти во всех его камланиях, изучал таинства камлания шамана от первого лица. Интересно отметить, что С. И. Вайнштейн действительно страдал острой болью в спине, полученной после продолжительной и весьма опасной экспедиции по Тодже. Болезнь прогрессировала, но после обращения к шаману, по утверждению самого ученого, боль в спине постепенно прошла:

«Шаманы совершают камлания обычно с наступлением темноты. Не очень уверенный в согласии Шончура, я все же попросил его покамлать для нас, обеспечить нам удачу в работе. „Я в последнее время страдаю от болей в спине, и это мешает работе, ведь все время приходится склоняться над землей, где мы трудимся. Не могли бы меня подлечить?“ — обратился я к Шончуру. Немного поколебавшись, он согласился» (Вайнштейн 2009: 321).

Что получил исследователь, изучая феномен шамана? Сложно определить. Возможно, что-то весьма личное и за рамками научной парадигмы. С. И. Вайнштейн пишет:

«Прощаясь со мной, он неожиданно признался: „Мне уже трудно быть великим шаманом, каким был раньше. Стар стал, болею. Жизнь изменилась. Не могу, как прежде, бороться со злыми духами“. Через неделю я вновь приехал навестить Шончура, привез подарки. И тут произошло неожиданное. Вспоминая его слова, я очень нерешительно спросил старика, не согласится ли он продать свои шаманские принадлежности музею. Сверх всех моих ожиданий... он дал согласие. Не торгуясь, он тут же часть принадлежностей продал, а часть подарил мне» (Вайнштейн 2009: 328–329).

Модель антрополога, когда антрополог обучается на месте и становится в позицию «вечного ученика», в том числе и по отношению к своим собеседникам (информантам), характерна для исследователей смежных дисциплин, когда необходимо попытаться найти ответы непосредственно у изучаемого объекта — возможно «ключ под ковриком». Именно в такой ситуации появляется и «бережно охраняется ключевой информант». Однако помимо, безусловно, положительных сторон, эта модель взаимодействия несет в себе и опасную черту — потерю видения «своего поля». В крайнем случае исследователь сам рискует стать частью «поля», утратив способность, наблюдать, анализировать, описывать и обобщать.

Мое тувинское поле исследования

Мое «тувинское поле» началось осенью 1992 г., когда, еще будучи студенткой третьего курса Историко-архивного института, я стала внештатным сотрудником Проблемной группы по изучению этнополитических процессов и современного культурного развития народов Южной Сибири Института этнологии и антропологии РАН и впервые выехала в экспедицию для изучения современных межнациональных отношений среди тувинского и русского населения республики (Москаленко 1993). Несмотря на молодой возраст, мое поле началось именно как взаимоотношение «белого чиновника и респондента». Моими респондентами неожиданно для меня стали первые лица республики, ее научная и политическая элита, лидеры национально-общественных движений и партий. Это скорее был не диалог, а активное слушание, видение и долгое наблюдение. По прошествии времени, поняла, что это было самое легкое поле исследования, потому что оно было прекрасно подготовлено и оформлено моим научным руководителем, д. и. н., профессором Севьяном Израйлевичем Вайнштейном. Его высокий авторитет и безупречная репутация в научных кругах сыграли ведущую роль в реализации задач, поставленных в ходе экспедиции. Это был, безусловно, высокий старт и большой аванс молодому исследователю. Но и, как оказалось в дальнейшем, опасность — долгий поиск «своего поля» исследования и поиска настоящего диалога и понимания культуры, с которой тебя соединила судьба.

Постепенно в зависимости от задач и обстоятельств исследования я стала использовать различные модели взаимоотношений с респондентом. В большинстве

случаев в своих исследованиях я придерживаюсь модели антрополога как «*доброго друга*». Эта модель «наиболее эффективно работает» для глубокого изучения современных проблем социальной антропологии.

Моими ключевыми информантами, а скорее собеседниками, являлись люди, которые впоследствии на долгие годы становились друзьями. Во многом именно они повлияли на мое мировоззрение и на ключевые понятия в кочевой культуре, такие как время, пространство и диалог. Диалог предполагает непосредственное участие субъекта в исследовании объекта, расширяет возможность детализации результатов исследования, а при необходимости, позволяет учесть фактор участия самого субъекта.

Диалог в тувинской культуре

В античном понимании диалог — это разговор о главном. А что такое диалог в тувинской культуре и что такое главное в понимании кочевника? И возможен ли диалог за пределами своей культуры?

В тувинской культуре разговор и диалог — большое искусство. Культура разговора с живой и неживой природой — важная часть кочевой традиции. Для диалога в тувинской культуре значимы статус, возраст и гендер собеседников. Ключевое в диалоге — это доверие и обоюдное понимание сути предмета общения. Диалог предполагает умение выразить мысли и передать определенный настрой. В кочевой культуре большое значение имеет интонация, жестикация и взгляд — разговаривать нужно всем телом. Передаваемые мысли могут быть усилены или уточнены движениями тела и выражением лица. Существуют разные формы словесного общения: *сос дамчыдар* (передать слово), *чугаа* (беседа — разговор), *хоорезжир* (праздное или «тусовочное» общение), *алгыш* (благословение, напутствие, ссора, брань). *Чугаа* — это не только разговор с эмоциональным и доверительным оттенком, но и одновременно мягкая ненавязчивая форма убеждения. Тувинская поговорка гласит: «*Сос даа четпес — чугаа шыдаар*» («Что слово не может — беседа поможет»).

Ниже приведены смысловые переводы нескольких бесед, полученных во время общения антрополога (этнолога) с респондентом как с «добрим другом». Конечно, детальное описание движения тела, выражения лиц и интонации речи требуют особого литературного таланта, и для всей полноты ощущения необходимо слушать эту беседу на тувинском языке.

Беседа первая: разговор с братом на стойбище

— *Брат, давай зарежем ведущую серую козу? Она сегодня бесконечно бегала, а за ней все стадо. Даже особо не паслись, бегали целый день за серой козой туда — сюда!* — говорит младший брат.

— *Да, знаю эту козу. После того как орлы съели двух козлят, эта коза не приносит потомства, вот уже второй год,* — уточнил старший брат.

— *Скоро сенокос, как раз мясо нужно для рабочих — самый раз зарезать!* — продолжил младший брат.

— *Верно, но это коза дяди Серена, что ему скажем? Коза заметная, — ведущая дяди Серена!* — возразил старший.

— Ну, ведь волки тоже могут съест козу, ему другую предложишь, а какая ему разница, коза рогатая, как все, — ответил младший.

— Дядя Серен хочет получить маленькое стадо, как мы ему докажем, что его коза не дает потомства, если ее зарежем, пусть сам увидит в феврале, — пояснил старший.

— Ну, да, и не сказать же ему, что волки ели только его скотину, — не поверит!

— Дядя Серен нам доверил козу. К тому, же он нам помогает во всех организационных вопросах: в получении разрешения на провоз и продажу мяса, в организации сдачи шерсти и в подготовке справок и документов, — сказал старший.

— В конце концов документы можем сами сделать, ведь я прав? — ответил младший.

— У Серена это получится гораздо лучше, чем у тебя или у меня, он был бухгалтером в совхозе в Советское время. С бумагами он справляется очень хорошо, мастер бумажный дел!

— Похоже, мы — глупые пастухи, ничего не умеем делать, кроме как ходить за скотиной! Брат, давай, все же, зарежем серую козу?

— Это не так, мы также лечим, охраняем, кормим, учитываем их. Наше дело важное — «Озек чокта дугуй чок, одек чокта амыдырал чок» — «Нет оси — нет колеса, нет скота — нет жизни» (ПМА 2016).

Беседа вторая: разговор с путником

— Говорят, что в Монголии скотоводы кочуют в домах на колесах, где есть кухня, душ, туалет, спальня, спутниковое телевидение и связь, — сказал хозяин.

— Это правда. Весьма приятное дополнение к кочевой юрте, но заменить юрту все же не может. В юрте можно разместить всех, где очень приятно проводить время в кругу друзей и семьи возле живого огня, — ответил путник.

— Еще в Монголии стада пасут дронами, могут свысока следить за стадами, а иногда с помощью дрона могут перенаправить стада и даже посчитать их количество, — продолжил хозяин.

— Да, пора ехать нам всем в Монголию для обмена с опытом, — продолжил путник.

— Лошадей, особенно ценных скакунов они даже чипируют, — продолжил хозяин.

— Зачем чипируют то, что и так всем известно, все же первая лошадь степи (Монголии)? — сказал путник.

— Нынче без чипа никак, нужна точная идентификация чемпиона, для разрешения споров, определения местоположения. Его охраняют лучше, чем главу государства, а также актуально для родословной скакуна, — продолжил хозяин.

— Статус верховного коневода определяется по скакуну, если скакун несколько лет подряд одержит победу, то коневод станет почетным и уважаемым в обществе человеком, получит кучу неписанных привилегий в народе, не говоря уже о материальных благах в виде дара, — пояснил путник.

— Слышал, что в Монголии начали собирать базу ДНК скакунов, это правда? — продолжил хозяин.

— Да. Пора у коневодов тоже собирать, — ответил путник.

— Человека определяет его лошадь. Вот купишь такого скакуна и будешь не простым пастухом, а знатным коневодом, — сказал хозяин (ПМА 2016).

Беседа третья: разговор с душами предков

Тонче унгеш адын ада
Торээн адан суме кадар
Ийге баргаш адын ада
Иен ырын ыглап дынаар

*Назови на холме свое имя
Отец подскажет, что надо тебе
На склоне назови свое имя
Мать поет колыбельную тебе (ПМА 2016).*

Выводы

Существует мнение, что хорошее этнографическое (антропологическое) исследование — это наука постоянного возвращения. Это постоянная и тонкая настройка фокуса, видеть и понимать ситуацию сферически, со всех сторон и одновременно в динамике (Рыжакова 2018: 9). Это и путешествие, а интересное путешествие — это всегда встреча, взаимное знакомство и личные метаморфозы. Метаморфозы моего «тувинского поля» и «моего тувинского путешествия» — это скорее не изменение, а преобразование не только поля, исследователя, но и времени, в котором мы живем. Конечно, предметная область исследования антропологии многогранна. Для изучения поля исследования антрополог выбирает различные модели, в данном случае их три: модель «чиновника и респондента», модель антрополога как «добротного друга», модель «вечного ученика». Каждая из них позволяет нам заново раскрыть объект исследования с разностной стороны, обнажить новую грань и обнаружить неожиданные свойства. Понимаем, что любая научная теория верна, но при определенных условиях: в своем измерении и времени, меняя точку зрения мы обнаруживает совершенно другое свойство объекта исследования. Что касается тувинского поля антропологического исследования — мы вынуждены менять наше отношение к объекту исследования, т. к. это требует время и глобальные процессы современного мира. Предмет антропологии по своей сути чрезвычайно динамичен. В антропологическом исследовании важен тонкий настрой и подлинный диалог, но при условии, что твой респондент должен стать не только объектом антропологического исследования, но и равным его субъектом. А равные субъектные отношения могут существовать только в подлинном диалоге. Не случайно выдающийся мыслитель XX столетия М. М. Бахтин рассматривал диалог как антропологический феномен и как уникальный мир со-творчества: «Диалог самоценен, здесь человек впервые становится тем, чем он есть. Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и „человек в человеке“, как для других, так и для себя самого... Я могу понять самого себя, только посмотрев на себя чужим глазом» (Бахтин 1994: 153).

В современном антропологическом поле исследования нам дана уникальная возможность вести «новый диалог» и этот диалог уже сам по себе самоценен. Ибо он расширяет границы познания изучаемой культуры и самого себя.

Источники и материалы

ПМА 2016 — Полевые материалы автора. Республика Тыва, 2016 г. Перевод с тувинского языка А. Куулар.

Научная литература

- Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. Серия. «Бахтин под маской». Вып. 4. 178 с.
- Вайнштейн С. И.* Загадочная Тува. М.: Издание «Домашняя газета» при поддержке депутата Государственной Думы Шойгу Ларисы Кужугетовны и Культурного фонда «Крепость Пор-Бажын», 2009. 415 с.
- Елфимов А. Л.* (ред. и сост.) Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: Сб. статей / ред. и сост. А. Л. Елфимов. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 208 с.
- Гириц К.* Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 288 с.
- Гупта А., Фергюсон Дж.* Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3–44.
- Москаленко Н. П.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва (1992). Исследование по прикладной и неотложной этнологии. Серия. «Международные отношения в СССР». Документ № 37. М.: ИЭА РАН, 1993. 28 с.
- Пивнева Е. А.* (отв. ред.). Поле как жизнь. М.; СПб: Нестор-История, 2017. 304 с.
- Рыжакова С. И.* Путешествие в бесконечность. Индийские этнографические этюды. М.: «Вече», 2018. 252 с.
- Форум: Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 8–134.
- Форум: Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–166.
- Форум: Опасности поля: перспектива исследования // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 11–88. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-11-88>

References

- Bakhtin, M. M. 1994. *Problemy tvorchestva Dostoyevskogo* [Problems of Dostoyevsky's work]. Moscow: Alkonost. Seria "Bakhtin pod maskoi". Vypusk 4. 178 p.
- Vainshtein, S. I. 2009. *Zagadochnaia Tuva* [The Mysterious Tuva]. Moscow: Izdanie "Domashniaia gazeta". 415 p.
- Elfimov, A. L. (ed.) 2012. *Antropologicheskie traditsii: stili, stereotipy, paradigm* [Anthropological Traditions: Styles, Stereotypes, Paradigms]. Sbornik statei. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p.
- Forum: Issledovatel' i ob'ekt issledovaniia [Researcher and Object of Study]. 2005. *Antropologicheskii forum* 2: 8–134.
- Forum: Ehticheskie problemy polevykh issledovaniy [Forum: Ethical Issues in Fieldwork]. 2006. *Antropologicheskii forum* 5: 6–166.
- Forum: Opasnosti polya: perspektiva issledovatelya [Forum: the Perils of the Field: a Researcher's Perspective]. 2021. *Antropologicheskii forum* 48: 11–88.
- Geertz, C. 2020. *Postfaktum. Dve strany, chetyre desyatiletia, odin antropolog* [Postfactum. Two Countries, Four Decades, One Anthropologist]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p.
- Gupta, A. and J. Ferguson. 2013. *Distsiplina i praktika: "pole" kak mesto, metod i lokal'nost' v antropologii* [Discipline and Practice: "the Field" as Site, Method and Location in Anthropology]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* 6: 3–44.

- Moskalenko, N. P. 1993. Etnopoliticheskaia situatsiia v Respublike Tuva (1992) [The Ethnopolitical Situation in the Tuva Republic (1992)]. *Issledovanie po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii. Seriya. "Mezhnatsional'nye otnosheniia v SSSR"* [A Study in Applied and Urgent Ethnology. Series. "Interethnic Relations in the USSR"]. Dokument 37. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 28 p.
- Pivneva, E. A. (ed.). 2017. *Pole kak zhizn'* [The Field as Life]. Moscow — St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 304 p.
- Ryzhakova, S. I. 2018. *Puteshestvie v beskonechnost'. Indiiskie etnograficheskie etiudy* [Journey to Infinity. Indian Ethnographic Sketches]. Moscow: "Veche". 252 p.